

УДК 391/395
ББК 65.5
П49

Серия основана в 1971 году

Редколлегия:

З.П. СОКОЛОВА (ответственный редактор),
Е.А. ПИВНЕВА, А.В. ФРОЛОВА

Рецензенты:

кандидат исторических наук Л.В. ОСТАПЕНКО
кандидат исторических наук Т.В. ЛУКЬЯНЧЕНКО

Полевые исследования Института этнологии и антропологии
РАН. – М.: Наука, 1971 –. –

2002 / Отв. ред. З.П. Соколова. – 2004. – 207 с. – ISBN 5-02-009843-4

В сборнике публикуются материалы полевых исследований сотрудников, аспирантов и соискателей Института этнологии и антропологии РАН в различных регионах России, ближнего и дальнего зарубежья как в 2001–2002 гг., так и в разные годы последних десятилетий.

Для специалистов: этнологов, антропологов, географов, историков, социологов.

По сети «Академкнига»

ISBN 5-02-009843-4

© Коллектив авторов, 2004

© Российская академия наук
и издательство «Наука»,
серия «Полевые исследования
Института этнологии и
антропологии РАН» (разра-
ботка, оформление), 1971
(год основания), 2004

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС ИЗ ЭКСПЕДИЦИОННОГО ПРОШЛОГО

**(Лечение бесплодия на мазаре Султан-бобо в Хорезме.
К характеристике народного ислама)**

В 1956 г. мне в составе Узбекского этнографического отряда Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР, руководимого Г.П. Снесаревым, удалось побывать на очень известном в Хорезмском оазисе памятнике-гробнице – *мазаре* Султан-бобо, расположенном на отрогах Султануиздагских гор, получивших наименование от имени этого святого. Территория эта административно входила в границы Каракалпакской АССР, а географически – пустыни Кызыл-Кум.

Этнографическим изучением данного памятника в аспекте древних верований населения Хорезма не один год занимался Г.П. Снесарев.

Описание мазара и анализ реликтовых явлений религиозного плана, связанных с ним, содержатся в ряде книг Г.П. Снесарева¹, особенно подробно в работе «Хорезмские легенды, как источник по истории религиозных культов Средней Азии» (М., 1983), в котором один из разделов посвящен непосредственно святому, давшему наименование месту поклонения – Ваису аль-Карани, якобы арабскому сподвижнику Мухаммеда (по-хорезмски – Султан-бобо).

Представим краткую характеристику святыни Султан-бобо на основании исследований Г.Н. Снесарева. Находится оно в отдалении от населенных пунктов. Это целый комплекс культовых строений, куда входят: сама усыпальница, мечеть, (кухня) *ошхона* и гостевая *мехмонхона*. Поблизости расположены усыпальница Чинор-бобо, мавзолей Вали-аталыка и мазар Ак-Саид-бобо. В 1956 г. здесь имела еще бухгалтерия и в распоряжении мазара было четыре машины. Комплекс окружает большое старое кладбище, куда в течение столетий привозят и хоронят умерших из разных областей Хорезма. Большинство информаторов связывают строительство в урочище Султан-бобо со временем правления в Хиве Алла-кули-хана (1825–1842 гг.).

В комплекс мазара Султан-бобо входил и священный бассейн – *хауз*, судя по информации, первоначально именно он привлекал паломников. Вода его считалась также священной. Ее пили, ею мыли лицо и даже совершали полное омовение, увозили с собой в бутылках и бидонах. По легенде считается, что пресная родниковая вода, наполняющая водоем, вытекает из ног погребенного святого.

В этом священном бассейне жили не менее священные рыбы, кормить которых и созерцать считалось богоугодным делом. Суще-

ственным моментом является то, что погибших рыб хоронили, как людей, заворачивая в саван и читая заупокойную молитву *джаноза*. По легенде, «в этот момент рыба вдруг превратилась в ребенка». Но бесспорно то, что их действительно так хоронили. Об этом рассказал Г.П. Снесареву мулла Вапа Ваисов, житель г. Ургенча, находившийся при мазаре Султан Ваиса. Он лично участвовал в похоронах двух рыб, которых хоронили в усыпальнице около изголовья могилы Султан Ваиса. Как сказал Вапа Ваисов: «Я сам завернул их в *дастархан* (скатерть), и сам замазал лаз в этот мазар»². Г.П. Снесарев видел в этом феномене не только пережиток зоолатрии, но и тотемизма той фазы развития, когда господствовало «представление о тотеме, как о братстве (т.е. члене коллектива)»³.

Мазар Чинор-бобо, который паломники должны посетить первым, представляет собой, по мнению того же исследователя, антропоморфизацию древнего растительного объекта поклонения, т.е. он также включается в пережиточный домусульманский комплекс верований урочища Султан-бобо.

Еще в большей степени это относится к священному месту «Кийик сауган», где согласно легенде святая Амбар-она доила дикую козу. Амбар-она, замесившая собой древнюю богиню воды, плодородия, деторождения, покровительницу женщин древнеиранскую Анахит и других подобных ей богинь древнего Востока⁴, хорошо известна по ряду легенд. (Надо отметить, что имя Амбар-она известно только в Хорезме, у соседних каракалпаков в роли покровительницы женщин выступает Биби-Фатима.) Один из любимых сюжетов этих легенд – эпизод с дикой козой – зафиксирован в нескольких местах Хорезма, в том числе в урочище Султан-бобо.

Есть здесь и еще одно почитаемое место – искусственно сооруженная на скальном выступе огромная груда камней, увенчанная шестью с повязанными обетными тряпками – *обо*, – самым ранним пластом в котором является культ хозяина местности. Это *обо* по легенде считалось тем местом, где Султан Ваис в припадке фанатизма выбил себе все зубы в связи с потерей зуба Мухаммедом. Султан Ваис увязывался и с водной стихией – о священном хаузе мы уже говорили.

Бассейн со святой водой и священными рыбами, шествия паломников к нагромождению скал священного зуба, места поклонения, куда спускалась с гор мифическая дикая коза, жертвоприношения домашних животных, магическое оформление лентами и тряпичами деревьев и кустов, магический характер земляных ям и промоин в берегах русла горной речки *сая*, смутные представления о некоем Чинор-бобо, многовековой некрополь – все это убедило Г.П. Снесарева в том, что здесь в доисламские времена было языческое капище религиозного порядка с полным набором обычаев и обрядов магико-умилюстивительного характера⁵. С приходом ислама в процессе создания нового уже мусульманского культа оно было связано с

именем арабского святого, мифического сподвижника Мухаммеда, имевшего широкую известность Ваиса аль-Карани. Один из ранних персонажей мусульманской агиологии Ваис-аль-Карани, образ которого восходит к досуфийской поре арабского мистицизма, в Хорезме наслои́лся на целый комплекс архаических религиозных представлений и действий, частично являвшихся реликтами ранних форм религии. Доля славы этого языческого капища передавалась и мусульманскому святому, закрепившись за ним на столетия⁶.

Мазар Султан-бобо пользовался широкой известностью в округе. Паломничество к нему определялось многими причинами. В частности, было велико число паломниц с целью излечения от бесплодия.

В среднеазиатско-казахстанском регионе паломничество к святым местам (*зиарат*) по такому поводу распространено очень широко и считается очень действенным средством для избавления от недуга. Существует примерный ритуал таких посещений, правда, в каждом случае имевший местную специфику в зависимости от святого, которому посвящался мазар: это общение с шейхом мазара, обход с ним кладбища, ночевка на святом месте, разгадывание шейхом снов паломниц с определением средств излечения, жертвоприношение и т.п. На Султан-бобо, видимо, такая процедура тоже существовала. Во всяком случае, встретившаяся мне на мазаре паломница из Таджикистана, ткачиха, посчитавшая меня «товарищем по несчастью», приехавшая сюда с мужем, в специальной кухне готовила в большом котле мясо, очевидно, жертвенного барашка. Однако на Султан-бобо были и свои особые ритуалы, которые необходимо было выполнить жаждущим женщинами. О них и пойдет речь ниже.

Мы приехали на мазар во второй половине дня, скорее к вечеру. Встретились с знакомым муллой Вапой Ваисовым. Человек он был явно необыкновенный. Большую часть времени он проводил в путешествиях по знаменитым местам, позднее даже приезжал в Москву поклониться могиле С.П. Толсто́ва.

Вапа Ваисов понимал ограниченность нашего времени и сразу повел меня с еще несколькими паломницами к месту, где святая Амбар-она доила дикую козу, – Кийик сауган. Оно представляло собой нагромождение горного щебня, вокруг которого мы и двигались. Там была совершена молитва. Женщины строили домики предкам – *арвахам* – из кусков горной породы. Мы все дали мулле понемногу денег. После вторичной молитвы они были нам возвращены. Мне оставалось только копировать все действия женщин.

По возвращении к месту, где остановилась экспедиционная машина, выяснилось, что положено посещение еще одного заветного места, к которому водит специальная женщина. Оказалось, что она с группой женщин уже возвратилась и больше в этот день туда похода не должно быть.

Видимо, по просьбе Вапы Ваисова, женщина согласилась меня проводить, так как мужчинам туда ходить, очевидно, не дозволялось.

Предварительно мне было предложено совершить полное омошение – ритуал мусульманский, что я, конечно, выполнила. На мазаре имелось специальное укрытие для этих целей. Вода бралась из колонки, стояло несколько кувшинов.

Когда мы вышли, уже вечерело. Наш путь пролегал по высокому саю, по которому стекала вода во время паводков. С обеих сторон возвышались невысокие горные отроги, валялся щебень, росли колючки, но тропинка все-таки чувствовалась. Постепенно возвышенность сравнивалась с окружающими таками Кызыл-Кумов. На конечном пункте нашего пути опять оказалось невысокое нагромождение горного щебня, из которого было сложено несколько «домиков арвахам» с воткнутой палочкой и завязанной тряпочкой с заветным желанием в каждом случае.

Путь был не очень кратким, совершать его пришлось босиком. Обувь была оставлена у входа в это ущелье. Сопровождала меня женщина по внешности напоминавшая каракалпачку (платье и особенно головной убор в виде тюרבана, да и антропологический облик позволяли предполагать именно это). Позднее оказалось, что она *порхан* (шаманка).

Придя к основанию горного хребта и увидя «домики арвахов», я тоже сложила из каменного щебня таковой, воткнула палочку, привязала тряпочку. Моя сопровождающая не останавливала меня. Затем она указала мне на яму на земной поверхности, расположенную немного правее кучи щебня с «домиками арвахов». Глядя сверху, она показалась мне довольно узкой щелью, несколько продолговатым лазом с искусственной перемычкой по середине, видимо, не раз восстанавливавшейся. Порхан сказала, что следует пролезть через это отверстие, не сомневаясь, очевидно, в том, что я обычная пациентка мазара.

Я, стоя в раздумьях, смогу ли я это осуществить, не поломав перемычку (а мне было известно представление здешнего населения, что несправедная будет зажата стенками лаза), спросила ее: «Я не мусульманка, можно ли мне пользоваться этим приемом лечения?». На что получила ответ: «Главное верить, тогда поможет».

Перед тем, как лезть через отверстие, мой гид сказала мне, что я должна трижды произнести: «Биби-Фатима, пирим» (Биби-Фатима, мой покровитель *пир*.) Я, естественно, это сделала и полезла в яму и благополучно пролезла, ничего не сломав. (Яма-то оказалась глубокой, через нее проползали сотни женщин). Порхан засмеялась, хлопнула меня по плечу, сказав: «Яхши кызымка» (хорошая девчонка), получила полагавшиеся десять рублей, и мы отправились в обратный путь. Она немного опередила меня. На мазар я вернулась уже на закате солнца, где меня ожидали любопытные глаза Глеба Павловича, Рюрика Садокова и шофера, Ивана Петровича.

Итак, в дополнение к описанным Г.П. Снесаревым священным объектам мазара Султан-бобо, добавился еще один – место, посещаемое женщинами с целью избавления от страшного недуга – бесплодия, обслуживаемое местной шаманкой, входящее, видимо, в общий комплекс памятника.

О таком способе лечения в другой своей работе, говоря о сакральных свойствах земли, Г.П. Снесарев писал: «По всей Средней Азии среди бесплодных женщин особой популярностью пользовались разнообразные земляные ямы и отверстия в земле, через которые женщины пролезали с той же ритуальной целью»⁷.

Весь памятник Султан-бобо окружающим населением воспринимался как мусульманский, и все, что там совершалось, не считалось чуждым исламу. В действительности на Султан-бобо было представлено множество осколков разнообразных ранних форм религии доисламской эпохи, а также ярко проявлялись зороастрийские традиции древнего ираноязычного земледельческого населения Хорезма, например, в персонаже святой Амбар-она и др.

Таким образом, уже в который раз подтверждается положение о действительном составе, содержании так называемого бытового или народного ислама – явления синкретичного. Другой вывод при знакомстве с этим памятником напрашивается следующий: ислам в народных формах не требует догматических истин, не требует официальной принадлежности к этой религии. Важно, чтобы прибегающий к помощи этого святого места, верил в его действенность.

¹ Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969; *Он же*. Под небом Хорезма. М., 1973; *Он же*. Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. М., 1983.

² Снесарев Г.П. Хорезмские легенды... С. 82.

³ Там же. С. 83.

⁴ Снесарев Г.П. Реликты... Гл. IV.

⁵ Снесарев Г.П. Хорезмские легенды... С. 93.

⁶ Снесарев Г.П. Там же.

⁷ Снесарев Г.П. Реликты... С. 195.

лигиозным пережиткам. Здесь удалось зафиксировать ритуальное поклонение священной лиственнице на горе Чохрын-ойки (старика-кузнеца-врачевателя, принимающего в дар нож и табак), побывать на священной горе Ялпус-ойки, где справляются ритуальные «пори», ознакомиться с циклом ритуальных фратриальных праздников (См.: *Соколова З.П.* Пережитки религиозных верований у обских угров. Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века // Сб. МАЭ. Л., 1970. Т. XXVII).

Здесь же изучался погребальный обряд.

2. Сбор архивных материалов.

В Тобольском архиве и Сургутском райзагсе были собраны материалы по бракам среди хантов и манси в XIX в. Эти материалы будут использованы для написания раздела коллективной монографии «Общественный строй малых народов Севера».

Тема: Изучение древней истории обских угров.

Совместно с Уральской археологической экспедицией и силами студентов МГУ и Уральского Университета были разведаны археологические памятники на Барсовой горе под Сургутом, Шеркальское городище, некоторые памятники в окрестностях Согома. Археологические раскопки проводились на стоянке и поселении у Согомской зверофермы, а также на могильнике Тухтымбай. На стоянке было раскопано одно углубленное в землю жилище и получен каменный и керамический инвентарь. На поселении была вскрыта четверть почти наземного жилища шатрового типа и получен керамический материал. На могильнике был заложен небольшой (2 × 2 м) раскоп, давший интересный археологический материал, рисующий неизвестный ранее обряд погребения.

³ Материалы переписи учреждений здравоохранения на 1/1 1963 г. Архив Сургутского райисполкома.

Н.П. Лобачева

НАУЧНЫЙ ОТЧЕТ О ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ФЕРГАНСКОЙ СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1972 г. (все административные данные даются на 1972 г.)

Ферганский отряд Среднеазиатской экспедиции в 1972 г. работал в составе:

1 – Лобачева Н.П. – мл. науч. сотр., начальник отряда; 2 – Губаева С.С. – аспирант Института этнографии; 3 – Рахимов Р. – ст. научно-технич. сотр. Института этнографии (Ленинград. часть); 4 – Шашкова В.И. – ст. научно-технич. сотр. (фотограф-художник); 5 – Моногарова Л.Ф. – ст. н. с. Институт этнографии – прикомандирована к отряду, район ее работ – Горно-Бадахшанская автономная область (см. отчет Моногаровой).

Срок работы основной группы отряда – с 21 мая по 27 июня. Район работы – Андижанская, Наманганская, Ферганская области УзССР.

Основная задача – сбор материалов для Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана по теме «Скотоводческое

хозяйство населения Ферганской долины в дореволюционный период (сбор материалов для карт: “Пастбищные угодья и их сезонное использование” и “Распространение основных видов домашнего скота XIX – начале XX в.”)».

В связи с заданием отряд посетил различные этнические группы населения Ферганской долины в пределах Узбекской ССР. Работа проводилась среди узбеков-тюрков, узбеков-кипчаков, узбеков-сартов, среди ферганских каракалпаков, киргиз-кипчаков, арабов, таджиков в тех районах, где эти группы живут достаточно компактной массой.

В Андижанской области полевые исследования велись в Мархаматском р-не (колхоз им. Свердлова, колхоз им. 50-летия Октября), Московском р-не (колхоз «Октябрь», колхоз им. Кирова), Балыкчинском р-не (колхоз «Пахтакор», колхоз «Кизил юлдуз», колхоз им. Ахунбабаева). В Наманганской области собирались сведения в Янгикурганском р-не (колхоз им. К. Маркса, колхоз им. Ильича) и Чустском р-не (колхоз им. Фрунзе, колхоз «Коммунизм»). В Ферганской области отряд работал в Риштанском (совхоз «Риштан», совхоз «Сох») и Ахунбабаевском р-нах (колхоз «Правда»). В городах Анжидане, Намангане, Фергане и Коканде выявлялись материалы по заданной теме в архивах, библиотеках, музеях.

Изучая скотоводческое хозяйство названных групп населения Ферганской долины, отряд одновременно выяснял вопросы, связанные с их расселением. Материалы, собранные отрядом о расселении, не расходятся с данными переписи населения 1926 г. и сведениями Я.Р. Винникова начала 1960-х годов, по которым составлена этническая карта Ферганской долины¹.

Полевые изыскания начаты с обследования группы узбеков-тюрков. Большие массивы узбеков-тюрков в пределах Ферганской долины фиксируются в современных Мархаматском, Ленинском, Ходжаабадском р-нах Андижанской области и Кувинском р-не Ферганской области Узбекской ССР, а также в Араванском, Сузакском и Узгенском р-нах Ошской области Киргизской ССР.

В Мархаматском р-не, где проводились исследования, тюрки появились примерно 200 лет назад, были здесь первыми насельниками, пришли из Замина, Ура-тюбе. Они предпочитали селиться по *адырам* (небольшим всхолмлениям предгорной полосы), там, где есть степь. Потом в этой местности появились сарты и киргизы, с которыми они живут бок о бок по сей день.

В начале XX в. тюрки как этого, так и близлежащих районов, вели полукочевой образ жизни, занимаясь в основном скотоводством и в небольших масштабах богарным земледелием (на адырах). Высеивали они пшеницу, клевер, джугару. Основу их стад составляли овцы гиссарской и местной (джаудари) пород. Кроме этого, они держали коней и крупный рогатый скот.

Тюрки имели постоянные селения, сами, однако, жили в юртах. Для скота – лошадей и коров – строили деревянно-глиннобитные хлева (*отхона, малхона*).

В предреволюционные годы интенсивно шел процесс оседания тюрков, общий для скотоводов всей Ферганской долины. Он отражался на формах ведения хозяйства и процессе оседания различных социальных слоев тюркского населения. Наиболее бедное население, имевшее мало скота, не выгоняло его на дальние пастбища, ограничиваясь выпасом на адырах около аулов. Малосостоятельные хозяева не переселялись на летовки, а оставались круглогодично жить около посевов.

Средняцкие хозяйства выгоняли весь свой скот на летние пастбища, переселяясь туда почти всей семьей. В ауле оставались по большей части старшие по возрасту дети, которые следили за хозяйством и посевами.

На зимний период эти семьи возвращались в аулы, где овец выпасали на близлежащих предгорных всхолмлениях *адырах*, лошадей и коров содержали в стойлах.

Байские хозяйства, имевшие по 2–3 тыс. голов овец, выгоняли скот и на летние и на зимние пастбища. На летовки они уходили всей семьей, а в аулах оставались (батраки) *чайрикеры*. На зимний период семьи возвращались в постоянный аул, но стада овец с пастухами отгоняли на зимние пастбища – в Язъяванскую степь – общее зимнее пастбище для скотоводов всей Ферганской долины. Остальной скот и 200–500 голов овец (на откорм) оставляли в ауле.

Но так было не всегда. Информаторы еще помнят, что было время, когда на зимние пастбища также уходили всей семьей. Таким образом, к XX в. чисто кочевые традиции тюрков уступили место полукочевому быту с тенденцией к их полному оседанию. Оседанию у тюрков, как и в других районах, подверглось в первую очередь наименее состоятельное население.

Социальная принадлежность определяла и те пастбища, которыми пользовалась данная группа тюрков. Наиболее состоятельные могли отгонять скот на дальние, лучшие по качеству трав и местоположению пастбища.

Летние пастбища располагались: первое – в р-не Науката, второе – в р-не Узгена и Узгенской волости. На Наукатские пастбища выгоняли скот и середняцкие и байские хозяйства, на дальние Узгенские пастбища – только байские хозяйства (середняцкие хозяйства выгоняли скот и на этом направлении, но они не доходили до Узгена). Узгенские пастбища были больше, менее каменисты, имели больше трав.

На Наукатских летовках семьи жили недалеко от стад. Направляясь на пастбища в Узгенскую волость с юртами доходили лишь до урочища Секелек. Здесь проводили лето, а овец отправляли с пастухами на самые высокие горные пастбища (Бешмуйнак, Сурташ). В эти районы со всем скарбом продвигаться было невозможно.

По пути с зимних на летние пастбища в урочище Отуз-адыр располагалось весенне-осеннее пастбище. Весной здесь производилась стрижка овец. Перебазирование на весенние пастбища к Отуз-адыру начиналась с марта, с середины мая шли уже к летним стоянкам. Обратный путь начинали с сентября, к октябрю подходили к зимним аулам, затем двигались на Язъяван, где стада овец находились с ноября по февраль включительно.

Пути перекочевок тюрков проходили через следующие пункты: на Наукатские пастбища из Мархамата двигались на Араван, затем – Копурбаши, затем по адырам подходили к пастбищам.

На Узгенские пастбища из Мархамата шли на Куяля, по Шарихансаю, на Ходжаабат, Аламышик, Карасу, Кампырават, урочище Отузадыр, Куршаб, Ширали-кишлак, потом поднимались в горы. Из Каракурмана на узгенские пастбища (в р-не Каракульджи) шли на Лянгар, Мады, Отуз-адыр, Куршаб, Узген, Секелек, Учак, Катта-Кухур. С семьями доходили до этого пункта, далее овец отправляли с чабанами до Сурташа и Бешмуйнака.

На зимние пастбища – в Язъяванскую степь – из Мархамата двигались на Чилиян, Палваншаш, Боистан, Заркент, Маргелан. В Язъяван шли по адырам.

Пастбища на летовках распределялись по родовому признаку. В пределах родовой территории каждый аул также имел свое постоянное место. Летовки носили название такое же, как и зимний аул. Каждый вид скота имел свое стадо на летовках.

Все изложенное позволяет определить скотоводческое хозяйство **тюрков** в предреволюционный период, как **отгонно-пастбищное полукочевое**.

Следующей группой, изучением скотоводческого хозяйства которой занимался отряд, были узбеки-кипчаки. В XIX в. значительная масса их жила под Кокандом. Кроме устной информации, свидетельств письменных источников, об этом говорят также данные топонимии. Согласно исследованиям С.С. Губаевой, собиравшей материалы для диссертационной работы, под Кокандом встречается очень много кишлаков, кварталов *махалля* и др., с названиями, совпадающими с наименованиями родо-племенных подразделений кипчаков.

После событий 1880-х годов в Кокандском ханстве при Худоярхане эта часть кипчаков оказалась раскиданной по всей Ферганской долине. В новых местах обитания они оказались в разных географических условиях и различной этнической среде, что сказалось на характере их хозяйства. В начале XX в. у подавляющего числа кипчаков продолжало играть ведущую роль скотоводство. У них, как и у других скотоводческих народов Ферганы, интенсивно шел процесс оседания. На него оказывали влияние, кроме общих причин (недостаток пастбищ), еще и этногеографическая среда и социальный момент. В первую очередь оседали бедняцкие

хозяйства. Особенно интенсивно шел процесс оседания в равнинных местностях (в современных Московском и Балыкчинском районах Андижанской области).

В Московском районе на территории современного расселения кипчаки были первыми поселенцами. Наиболее бедные сразу перешли к земледелию как основе существования. Эта часть кипчаков имевшийся у них скот летом пасла в зарослях тростника *в тугаях*, зимой держали в стойлах. Основой их стада стал крупный рогатый скот. У них не сохранилось даже традиционной приверженности к овцеводству, изменился состав стада и характер содержания скота. Их скотоводческое хозяйство с известной оговоркой можно характеризовать как **стойловое**, поскольку и летом на ночь скот загоняли в хлев.

Другая, более многочисленная группа кипчаков продолжала свои прежние традиции в отношении состава стада, основу которого составляли овцы. Отдельные хозяева имели до 5 тыс. голов овец, многие имели 1000-1500 овец. Коров в хозяйстве было 5-6, столько же лошадей. Верблюдов здесь не держали. Скот пасли в тугаях. Травы и земли в этой местности было много, поэтому со стадами далеко не ходили. Но здесь было мало воды. Овцы круглогодично находились на пастбище, сено заготавливали лишь для коров. Скотоводческое хозяйство этой группы кипчаков можно назвать **пастбищным неочевым (оседлым)**.

Основным отличием их хозяйства от хозяйства тюрок, как говорят наши информаторы, являлось то, что тюрки кочевали, а кипчаки нет, хотя еще два поколения назад и у них были юрты **кара-уй**. Со временем и у этой группы кипчаков стало основным занятием земледелие, которое по своим формам ничем не отличалось от такового у узбеков-сартов. Если прежде они продавали овец, то потом стали продавать хлопок, пшеницу, джиду, бахчевые.

В современном Балыкчинском районе кипчаки поселились также после событий в Коканде. Когда пришли сюда, здесь уже жили сарты. Ландшафт этой местности степной. Поселившись здесь, земледелием занимались в очень небольших масштабах. Основой хозяйства было скотоводство. Сначала жили в юртах. Жены с детьми оставались следить за посевами, а мужья уходили со скотом на пастбища. Потом появились некоторые изменения: одна часть семьи стала заниматься посевами, другая ходила со скотом (в основном младшие братья). Появились глинобитные дома, для лошадей и коров стали строить конюшни *отхона* и хлева *малхона*. Скот выпасали круглогодично, но в горы на летние пастбища *ййляу* скот не отгоняли, пасли на равнине. Сначала стада овец доходили до 10–20 тыс. голов. Много было и верблюдов и лошадей, коров меньше.

Судя по информации, в этом районе кипчацкие хозяйства были более мощными, хозяева состоятельными, чем в современном Московском районе.

Тип их скотоводческого хозяйства также можно назвать **пастбищным некочевым**. Процесс оседания кипчаков и даже ассимиляции их окружающим населением (узбеками-сартами) шел, видимо, очень быстро, особенно у тех, кто жил в соседстве с сартами. Высказывание одного из наших информаторов красноречиво говорит об этом – назвав себя сартом, в то же время он сказал, что он из родоплеменного подразделения карабоин из юзов. В Наманганской области отряд посетил группу кипчаков, живущих в Янгикурганском и Чустском районах. В Янгикурганский район, по географическим условиям – предгорный, кипчаки переселились в разное время, придя из под Самарканда, Ташкента, Андижана. Кипчаки живут здесь рядом с сартами, поселившимися в данной местности ранее их, тяготеют, как и киргизы, к горам.

Здесь кипчаки все без исключения занимались не только скотоводством, но и земледелием, хотя в основном были скотоводами. Больших стад не имели из-за недостатка пастбищ. (Байские хозяйства имели до 500 голов овец.) В стаде преобладали овцы, были лошади и верблюды. Кипчаки жили в юртах *кара-уй*. Для выпаса имели зимние и летние пастбища. Зимой скот пасли недалеко от жилищ, но дальше, чем сарты. Летом выгоняли на летнее пастбище – *яйляу*. Летние пастбища находились в горах Падшаата, недалеко от Наная. Выгон на *яйляу* происходил в мае. Но массового переселения в горы на летний период не было, с семьями туда не выезжали. Со стадами шли или наемные пастухи, или отдельные члены семьи. Спускались с гор в сентябре. В горах пасли только овец. Лошадей и коров отдавали на выпас киргизам. Состоятельные хозяева разные виды скота выпасали отдельными стадами, объединяя их лишь тогда, когда шли на летовки.

Скотоводческое хозяйство этой группы кипчаков можно назвать **отгонно-пастбищным некочевым**.

О значении земледелия у этой группы кипчаков говорит то обстоятельство, что их баи увеличивали не стада, а земельные наделы – все это признаки интенсивного процесса оседания кипчаков в данной географической зоне Ферганы.

В Чустском районе в с/с Варзик кипчаки живут в соседстве с таджиками. Пришли сюда 6–7 поколений назад из-под Бричмуллы, другая партия 3–4 поколения назад из-под Маргелана. Поселились здесь раньше таджиков. Придя в этот район, занимались почти исключительно скотоводством, земледелие в их хозяйстве занимало очень незначительное место. Основу стада составляли овцы, были и козы. Некоторые хозяева имели овец до 2 тыс. голов. Скотоводческое хозяйство этой группы кипчаков можно назвать **горно-пастбищным кочевым**. Начиная с весны, семьи со стадами уходили на горные пастбища. В кишлаках, где кипчаки по большей части жили в юртах *кара-уй*, на летний период оставались лишь подростки для присмотра за посевами.

Скот пасли ежегодно в одной и той же долине, расположенной между ущельями. Названия этих ущелий следующие: Обут, Янгок, Мойливой. В каждом из них речка. Весной пасли в ближних горах, с начала лета уходили на дальние высокогорные пастбища – по саю Коксарек до урочища Бетагали в Чаткальских горах. За каждым кишлаком здесь был закреплен определенный участок. Каждый вид скота составлял отдельное стадо. Овец отгоняли на наиболее высокие пастбища, за ними нужен был присмотр, сторожили их по очереди, другой скот пасся без присмотра. К вечеру стада приходили к стойбищам, где для скота строили загоны *кора* из камня.

К зиме стада пригоняли к кишлакам, где выпасали на близлежащих адырах. Зимой скот прикармливали овсом, кукурузой, джугарой и заготавливаемыми дикими травами.

В Гавинском с/с Чустского района, также предгорной местности, кипчаки живут рядом с узбеками-сартами. Здешние кипчаки были (скотоводами) *чарвачилик*, держали овец и коз до 500 голов на хозяйство, имели лошадей, коров и верблюдов. Жили в юртах *кара-уй*. Весной со стадами отправлялись в горы. Зимой скот держали в загонах *кутанах*, *кора*, расположенных на адырах, недалеко от жилищ.

Местные узбеки-сарты, кроме земледелия, занимались также и скотоводством, но в отличие от кипчаков, сарты не переселялись на летний период на летние пастбища *яйлау*. Для ухода за стадами на летних пастбищах нанимали кипчаков или киргизов.

Начиная с весны кипчаки со своими стадами двигались вверх по Гава-саю. Дальние летние пастбища располагались в самых верховьях Гава-сая, по его притокам – Кара-саю Койнар-тюбе и др. На пути к ним было пастбище Оппар-сарыкол, на котором останавливались в весенне-летний период. Зимой скот выпасали у кишлаков на близлежащих *адырах* или содержали в загонах *кора* – в зависимости от количества снега.

Первоначально здешние кипчаки не имели никаких посевов, затем стали заниматься и земледелием. Их хозяйство является характерным **горно-пастбищным кочевым**.

В Гаве жили зажиточно, здесь было много баев. Скот держали для продажи. Овец пригоняли из Таджикистана, откармливали и затем перепродавали.

Таким образом, в начале XX в. в Ферганской долине у одной и той же этнической группы – кипчаков, занимавшихся в основном скотоводческим хозяйством, встречаются различные типы и варианты этого хозяйства: стойловое оседлое, пастбищное некочевое, отгонно-пастбищное некочевое, горно-пастбищное кочевое, определяемые в первую очередь географическими условиями, а также окружающей этнической средой.

Породы скота у всех групп кипчаков в основном были одними и теми же – овцы гиссарской и местной (*джаудари*) пород, козы – чер-

ные, коровы и лошади местной породы, лишь для конной игры *улака* приобретали самаркандских и туркменских коней. Верблюды – казахские двугорбые.

Для различных районов расселения кипчаков заметна разница в количестве поголовья скота.

Среди ферганских каракалпаков отряд работал в Московском и Балыкчинском районах Андижанской области и Ахунбабевском районе Ферганской области. Их хозяйство подробно описано в работе Л.С. Толстовой². Данные, полученные в 1972 г. не содержат ничего принципиально нового по сравнению с опубликованными материалами.

Переселившись в Ферганскую долину, примерно 200 лет назад, они расселились вдоль рек Сыр-дарья и Кара-дарья. В начале XX в. вели комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство с возрастающим значением земледелия. Основным видом скота в их стаде были коровы, имелись лошади, козы и овцы. Зимой скот содержали в хлевах, летом – на прикишлячных пастбищах. (В начальный период поселения каракалпаков в этих местах на летние пастбища, расположенные недалеко от основных кишлаков, перекочевывали всей семьей.)

Байские хозяйства занимались овцеводством. Стада овец отгоняли на летние пастбища, в отличие от узбеков, нанимавших для этой цели киргизов, каракалпаки сами ходили со скотом (хозяева).

В целом скотоводческое хозяйство каракалпаков начала XX в. можно назвать **стойлово-пастбищным некочевым**. Надо отметить, что скотоводство у них играло более значительную роль в хозяйстве, чем у узбеков-сартов, хотя содержание скота было сходным.

Несколько информации отряд получил от киргиз-кипчаков (Мархаматский район) и арабов (Балыкчинский район). В центре Ферганской долины они живут сравнительно небольшими группами в окружении узбеков-сартов и других народов. И те и другие помнят о своих кочевых традициях в прошлом, но в начале XX в. эти группы населения полностью перешли на оседлость, занимаясь в основном земледелием. Скот держали главным образом для удовлетворения хозяйственных нужд. У некоторых групп связь с прежними традициями сохранялась более стойко. Так у киргиз-кипчаков Каракур-гана (Мархаматский район) в стаде были и овцы, и кони, и коровы. Объединяясь по 5–6 хозяйств эти киргизы угоняли скот на летний сезон на пастбище Аллаяр (Советский район Ошской области Киргизской ССР). Дорога туда шла через Тюячи, Чты, Келинчек-мазар. Пастбище Аллаяр принадлежало их предкам – киргиз-кипчакам. Зимой овец выпасали на пастбищах у *кара-уй*. Для лошадей строили глинобитные *отхона*.

Таким образом их скотоводческое хозяйство можно назвать **пастбищным кочевым**, но с тенденциями в сторону оседлости и земледельческого хозяйства, так как все они имели значительные посевы.

О себе они говорят, что «они земледельцы, а вот в Киргизии киргиз-кипчаки – настоящие скотоводы».

Отряд работал среди таджикского населения в Чустском районе Наманганской области и Риштанском районе Ферганской области.

Скотоводческое хозяйство таджиков Риштанского района ничем не отличается от такового у узбеков-сартов (описание см. ниже). Исключение составляют таджики Соха, живущие в горной долине. Эта группа населения, особая по своей этнической и культурной истории, заслуживает отдельного изучения.

Скотоводческое хозяйство варзикских таджиков, живущих в предгорных местностях Чустского района, имеет свою специфику. Это обусловлено природно-географическими условиями. Варзикские таджики, в основном занимающиеся садоводством и в первую очередь виноградарством, скот держали для хозяйственных нужд. Кроме коров, овец, коз, имели быков – все местных пород. Зимой весь скот содержали в стойлах, весной и летом выпасали на пастбищах. Стада с пастухами отправляли в близлежащие горы, осенью пасли на убранных полях, пригоняя на ночь домой. Для каждого вида скота было отдельное стадо. Лошадей и быков вообще не выпасали.

Скотоводческое хозяйство этой группы таджиков с известной оговоркой можно назвать **стойлово-пастбищным оседлым**.

Скотоводческое хозяйство узбеков-сартов, живущих повсеместно по Ферганской долине, в основном везде одинаковое. Отличия оно имеет лишь в предгорных районах, где режим содержания скота был обычно отгонно-пастбищным. Но в отличие от кочевых и полукочевых групп населения сарты сами не кочевали за стадами, а нанимали для ухода за скотом пастухов из киргизов или кипчаков.

У узбеков-сартов состав скота такой: коровы, лошади, быки, овцы, козы. Их держали для ведения хозяйства, для обработки полей и транспортных нужд. Лишь богатые хозяйства имели значительные стада овец, которые отдавали для выпаса киргизам или другим ферганским скотоводам. Летом их угоняли на летовки в горы, зимой – в Язъяванскую степь. Обычным же было **стойловое** содержание скота и зимой и летом. В летний период, конечно, выпасали его и на прикишлачных пастбищах, если таковые имелись, но на ночь скот пригоняли домой, осенью пасли на убранных полях.

Собранный материал по скотоводческому хозяйству населения Ферганы дореволюционного периода свидетельствует, что здесь встречались различные его типы. Это связано в первую очередь с этническими традициями ее населения. Оказывало влияние на формы скотоводческого хозяйства и природно-географическая среда.

Для начала XX в. характерен процесс оседания кочевых, полукочевых групп населения Ферганы и постепенная нивелировка их хозяйства к типу оседлого.

Кроме основной темы, посвященной скотоводческому хозяйству, отрядом сделан ряд записей о способах обработки, транспортировки и хранения продуктов земледельческого труда также по программе Историко-этнографического атласа. Материалы на эту тему на территории Ленинабадской области Тадж. ССР собирал Р. Рахимов, работавший в поле до 31 июля 1972 г. (см. его отчет).

Помимо этого, во время пребывания в отряде Р. Рахимов собирал сведения о мужских объединениях – *ganaх*, С.С. Губаева – данные по топонимии Ферганы для своей диссертационной работы, Н.П. Лобачева – данные по свадебным обрядам различных групп ферганского населения. В.И. Шашкова выполняла обязанности фотографа. Ею отснято 9 черно-белых пленок и 6 – диапозитивных цветных.

Л.Ф. Моногорова работала по теме атласа в Горно-Бадахшанской автономной области (см. ее отчет).

¹ См. Винников Я.Р. Современное расселение народов и этнографических групп в Ферганской долине // Среднеазиатский этнографический сборник. М., 1959. Вып. II.

² Толстова Л.С. Каракалпаки Ферганской долины. Нукус, 1959.